

**ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ ПРУССКОЙ ЛИТВЫ
НА ПРИМЕРЕ РАЙОНА ЦЕРКОВНОГО ПРИХОДА
ТОЛЬМИНГКЕМЕНА И ОКРЕСТНОСТЕЙ¹**

Rothe W., Wiemer D. Zur Siedlungsgeschichte von Preussisch-Litthauen am Beispiel der Region des Kirchspiels Tollmingkehmen und Umgebung. – Freiburg, 2016. – Bd. 1: Zur Besiedlung der Region. – 464 S.; Bd. 2: Anlagen- und Dokumentensammlung. – 288 S.

100

Внушительный по объему двухтомник посвящен истории восточной Восточной Пруссии – процессу заселения и развития Прусской Литвы, в частности района церковного прихода Тольмингкемена (современный пос. Чистые Пруды Нестеровского района Калининградской области РФ). Авторство столь серьезного труда (и здесь слово «труд» – далеко не фигура речи!) принадлежит доктору Вольфгангу Роте, уроженцу и историку тех мест, и Даниэле Вимер, чьи семейные корни также уходят в почву этого района. Книга состоит из двух томов. Первый – это, собственно, исторический очерк, а второй – многочисленные приложения (от текстов источников до фотографий и карт).

Во введении авторы дают общий этнографический и исторический обзор развития территории Великой пустоши (район между Гумбинненом, Гольдапом и Шталлупёненом – современными Гусевом, Гольдапом и Нестеровом) и в целом Прусской Литвы. Особое внимание уделено понятию «Прусская Литва» и оспариванию оправданности распространённого в литовской литературе идеологизированного понятия «Малая Литва» [S. 5] (здесь и далее в тексте указаны страницы первого тома рецензируемого издания). Авторы настаивают на том, что подобное микроисторическое исследование района Тольмингкемена оправдано не только с ностальгической точки зрения семейной истории; оснований значительно больше – от эксклюзивного культурного значения (биография К. Донелайтиса) до экономической специфики (традиция разведения тракененской породы лошадей).

В первой главе освещаются предыстория и общие условия процесса заселения Великой пустоши. Авторы характеризуют климатические условия, почвы и ландшафт района (области пруссов Надровия и Судовия), его площадь и административные изменения в орденский период. Процесс заселения пустоши в герцогский период трактуется как шанс для экономической консолидации нового лютеранского государства [S. 30].

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект №15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: преемственность и изменения культурного ландшафта (1945–2015 гг.)».

Вторая глава посвящена заселению пустоши в районе более позднего Тольмингкеменского прихода в XVI в. Помимо изучения административных изменений, В. Роте и Д. Вимер сосредоточиваются также на экономических аспектах истории района — показывают зависимость форм хозяйствования от леса, роль животноводства, земледелия и охоты в структуре экономики поселенцев разного времени. Особо рассмотрены прочие занятия населения (включая ремесла и торговлю), процесс урбанизации в бывшей пустоши (Инстербург, Гольдап) и наступление Реформации. Первый приход в этом районе возник в Инстербурге [S. 110], и авторы констатируют нехватку пасторов в регионе на первых порах. Однако евангелическо-лютеранское вероисповедание быстро приобрело большое значение в качестве фактора интеграции и ассимиляции многоэтничного населения этой территории [S. 113].

В третьей главе прослежено происхождение первых поселенцев — этническая природа прусских племен (скаловов, надровов, судовов), их сходства и различия с литовцами (в частности, с жемайтами). Авторы, рассмотрев почтенную историографическую и топонимическую традицию, приходят к заключению о самостоятельности прусского языка и, соответственно, о самобытности местного субстрата. Также в политическом отношении утверждается самостоятельность земли Прусской, которая никогда не была частью Литвы [S. 134]. На основе скрупулезного анализа топонимического материала В. Роте и Д. Вимер обосновывают тезис, согласно которому автохтонное население района Великой пустоши на первую половину XVI в. составляли потомки надровов и судовов. Позднее к ним прибавились переселенцы из литовской Жемайтии и самой Литвы, влияние которых стало ощутимым, по крайней мере, во второй половине XVI в., тогда как немецкого участия в формировании населения в тот период практически не было [S. 141]. После 1600 г. прусские топонимы начинают вытесняться литуанизированными, и литовский язык временно приобретает статус официального.

Четвертая глава исследования характеризует развитие центрального управления (хаупттамта) Инстербург под властью бранденбургских курфюрстов в Пруссии в XVII в. вплоть до Великой чумы 1708—1711 гг. Проанализирован обширный источниковый материал, реконструированы условия хозяйствования в самом восточном районе Пруссии, выявлены факторы, обусловившие депопуляцию в рассматриваемый период (в том числе неурожай, голод, эпидемии чумы). На Великую чуму 1708—1711 гг. пришлось настоящая демографическая катастрофа, унесшая жизни 200—250 тыс. человек — примерно трети населения Прусского герцогства [S. 186], результатом чего стала знаменитая вербовочная кампания Гогенцоллернов в протестантской Европе.

Пятая глава посвящена восстановлению и новому заселению Прусской Литвы в XVIII столетии. Прослежена динамика колонизации, которая шла несколькими волнами (вплоть до 1739 г., к которому относится германская нереализованная программа масштабного переселения). Прибывали иммигранты из Нассау, Пфальца, Зальцбурга (последняя группа была распределена по всему региону, так что почти в каждой деревне появились зальцбургские переселенцы). В тексте главы

приводится множество сведений по административным и экономическим аспектам жизни региона, характеризуются мелиоративные мероприятия, строительство школ и церквей, формирование атмосферы религиозной терпимости, развитие «германизации» (с оговоркой о том, что этот термин, широко распространенный в литовской и польской историографии, используется и некоторыми немецкими авторами [S. 255]). Просопографическую перспективу формируют зачатки исследования отдельных профессиональных групп – пасторов и учителей (в качестве последних при Фридрихе II массово привлекались солдаты, по инвалидности непригодные к воинской службе [S. 244]). Отдельно рассказывается о жизненном пути К. Донелайтиса (авторы предпочитают форму Donalitis). Биографический очерк завершается краткой характеристикой эволюции образа Донелайтиса в восточнопрусской культурной памяти, а также его роли в становлении литовского национального самосознания. Особо оговаривается неприятие личности и творчества литовского поэта национал-социалистами [S. 251].

Развитие населения региона в XIX в. стало предметом изучения в шестой главе. История церковного прихода, перестройки церковной организации и школьного дела разворачивается на широком историческом фоне, анализируются последствия прусских реформ (от административной до аграрной), вызванных Наполеоновскими войнами. В. Роте и Д. Вимер с достаточной осторожностью рассматривают дискуссионную проблему характера и масштабов германизации населения (прежде всего через утверждение немецкого языка в разных сферах жизни местного населения). Исследователи показывают противоречивость этой политики, а также изучают факторы формирования национального самосознания у литовцев и мазур во взаимодействии со складывающейся восточнопрусской региональной идентичностью.

О XX в. речь идет в седьмой главе. Естественно, в центре внимания авторов находится жизнь района в периоды двух мировых войн. Общий обзор политического развития провинции сопровождается уникальным материалом – письмами из семейного архива В. Роте, чьи предки жили в Тольмингкемене и засвидетельствовали происходившие события. Характеристика экономического развития района строится вокруг тезиса о ключевой роли коневодства и лесоводства в местном хозяйстве. Исследователи стараются беспристрастно изложить трагические события Второй мировой войны, бегства населения и прихода Красной армии. Ответственность за жертвы в результате неорганизованной эвакуации населения, спровоцированной паники справедливо возложена на национал-социалистическое руководство и лично Э. Коха [S. 414].

Восьмая глава повествует о новом заселении района Тольмингкемена после Второй мировой войны, формировании управленческих структур и хозяйственного порядка, учреждении государственной границы между СССР и ПНР по территории округа (нем. *Kreis*, польск. *kres*) Гольдап. В. Роте и Д. Вимер кратко излагают обстоятельства переименования населенных пунктов и становления совхоза в Чистых Прудах, затем освещают роль советской Перестройки в судьбе района. По-

литика М. С. Горбачёва привела к открытию области для посещения иностранными гражданами, но к ее последствиям относятся также приватизация колхозных и совхозных земель и радикальное изменение условий жизни населения (прежде всего экономических). Господство атеизма в государственной пропаганде времени И. В. Сталина и Н. С. Хрущёва не давало повода говорить о легальной религиозной жизни в этом районе, но после Перестройки в Чистых Прудах начала действовать даже евангелическо-лютеранская община [S. 455]. Особое внимание авторов, конечно, привлекает восстановление здания церкви в Чистых Прудах для размещения мемориального музея К. Донелайтиса. К сожалению, авторы ограничились предельно кратким обзором истории этого музея, хотя описание судьбы, наследия и образа Донелайтиса в Калининградской области (от открытия его музея в 1979 г. до празднования 300-летнего юбилея классика в 2014-м) органично дополнил бы характеристику места Донелайтиса в восточнопрусской культурной памяти, встреченную читателем в пятой главе. Кроме того, обращает на себя внимание отсутствие интереса к общественной и культурной жизни населения современного поселка Чистые Пруды и его окрестностей. Если в «восточнопрусской» части работы авторам удалось дать комплексную характеристику социально-экономической и духовной жизни этого района, то в заключительной главе материал представлен фрагментарно, с некоторым нарушением общей концепции исследования.

Завершается первый том оптимистичной констатацией того, что «регион Прусской Литвы всегда был и навсегда останется... независимо от того, кто здесь жил — пруссы, мазуры, литовцы, немцы, русские или поляки... — как поется в восточнопрусской песне, "страной темных лесов и прозрачных озер"» [S. 457]. Бережное отношение авторов и к биографиям людей, вписавших свои имена в историю заповедного уголка бывшей Восточной Пруссии, и к удивительной его природе (во втором томе есть даже фотографии замечательных представителей фауны этого района) позволяет Вольфгангу Роте и Даниэле Вимер найти золотую середину между сухим академическим исследованием и окрашенным в ностальгические тона панегириком этому краю.

Исследование, действительно, выдержано в жанре микроистории: показана эволюция небольшого района на фоне истории более крупных административных единиц, и такой масштаб рассмотрения (как и положено классической *microstoria*) многое проясняет в нюансах государственного развития Пруссии или становления национального самосознания литовцев. Богато документированное и иллюстрированное, с колоссальным картографическим, топонимическим и статистическим материалом, даже авторскими фотографиями, это издание, вне сомнения, наследует лучшие традиции классической немецкой историографии. Исследование ведется с опорой на значительный источниковый материал, авторы апеллируют к немецкой, литовской, польской и российской историографии. Для удобства читателя во втором томе помещен именной указатель (правда, непривычно выглядит система отсылок — к номерам не соответствующих страниц, а разделов первого тома).

Вызывает уважение стремление авторов беспристрастно подойти к спорным вопросам, которые, как это часто бывает с историей, быстро приобретают политическое звучание. Но это не значит, что В. Роте и Д. Вимер уклоняются от высказывания своей позиции по этим «трудным вопросам». Один лишь пример: они рассматривают понятие «Малая Литва», которое нередко в литовских публикациях относится ко всей территории Калининградской области, и решительно отвергают его как идеологически обусловленное и отражающее склонность националистически настроенных кругов к «манипулированию восточно-прусской историей» [S. 156]. Редкий случай – признание собственных ошибок, на которые им ранее указали коллеги (например, выражается благодарность калининградскому историку Ю. В. Костяшову за поправки к предшествующим публикациям В. Роте [S. 446]). Словом, читатель получил фундированное исследование, которое, пожалуй, трудно будет по объему фактографического материала превзойти в ближайшие десятилетия.

Как это нередко случается с зарубежными публикациями, основные ошибки и опечатки относятся к российским и советским реалиям, недостаточно хорошо известным авторам. В. Роте и Д. Вимер также не смогли избежать этой участи. Назовем, прежде всего, многочисленные ошибки в инициалах и фамилиях россиян в Восточной Пруссии. Генерал Павел Карлович Ренненкампф называется в работе А. Ренненкампфом [S. 373], хотя в именном указателе имя указано верно; генерал армии И. Д. Черняховский получает фамилию Черняхов (*Tschernyjachow*) [S. 442], так же и в указателе. Встречаются и мелкие фактические неточности. Авторы указывают, что переименование Кёнигсберга в Калининград произошло в 1947 г. [S. 442], тогда как на самом деле в 1946-м. Гумбиннен был переименован в честь Героя Советского Союза Сергея Ивановича Гусева (1918–1945), который погиб в звании капитана на территории современного Гусевского района. Вообразить, что советская власть могла увековечить память героя-капитана в наименовании города, вероятно, не очень просто, и авторы «производят» С. И. Гусева в генералы [S. 442]. Эта тенденция проявляется и по отношению к гражданским: директоров Областного историко-художественного музея постсоветского периода В. Роте и Д. Вимер почему-то называют *де-факто* министрами культуры (или по делам культуры) [S. 455]. Недостаточно внимательны оказались авторы и при составлении именного указателя: некоторые ошибочные сведения там исправлены, некоторые усугублены: директор *совхоза* в Чистых Прудах со странной фамилией *Ilkon* [S. 449] превращается во втором томе в директора (!) того же *колхоза* по фамилии *Ilkon* [Bd. 2, S. 242], и оба случая крайне сомнительны. В именном указателе приводятся ошибочные сведения и о других, даже достаточно известных российских деятелях: императору Николаю II приписаны даты 1848–1917, не совпадающие ни с годами его жизни, ни с годами правления; М. И. Калинин, годы жизни которого (1875–1946) в первом томе приведены без ошибок, получает такую же странную характеристику: «1916–1946, глава государства СССР» [Bd. 2, S. 243]. Мно-

гочисленные ошибки в деталях снижают общее впечатление от этого колоссального труда. Возможно, имело смысл предварительно показать текст «российской» части работы кому-то из российских коллег.

Тем не менее исследование Вольфганга Роте и Даниэлы Вимер произведет впечатление на любого, даже скептически настроенного читателя. Колоссальный объем фактического материала и строго академический подход авторов сочетаются в этой книге с любовью к «стране темных лесов и прозрачных озер». Конечно, в истории есть место далеко не только чувству умиления, порожденному созерцанием флоры и фауны. Источники чаще говорят (а иногда красноречиво молчат) о страданиях прошлых поколений, превратностях судьбы, притеснениях и войнах, голоде и эпидемиях. Но обо всем этом можно говорить по-разному, окрашивая нарратив в разные цвета. Работа В. Роте и Д. Вимер побуждает задуматься над тем, что элементарное сочувствие к людям — пруссам, мазурам, литовцам, русским, немцам или полякам, — которые своим созидательным трудом творили историю края, — возможно, одно из важнейших условий подлинно научного исследования этой земли.

И. О. Дементьев

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

The author

Dr. Ilya O. Dementev, Associate Professor, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IDementev@kantiana.ru